

Аннотация

диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук по специальности 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика «Шульц Э.Э. Регулирование массового политического протеста в контексте медиакоммуникаций»

Научная проблема, на решение которой направлено исследование, заключается в развитии теорий социального конфликта в эпоху глобальных трансформаций и всеохватывающей медиатизации; в разработке теоретико-методологической основы формирования и развития массового политического протеста и роли медиакоммуникаций в его регулировании.

Актуальность темы исследования определяется важностью выявления возможностей управления социально-политическим конфликтом, особенно радикальными массовыми формами протеста, представляющими наибольшую опасность для любой государственной системы. При этом положения теорий социального конфликта, сформированных главным образом в XX веке, требуют обновлений, мотивированных происходящими в современных обществах изменениями, которые оказали влияние на генезис политического протеста вместе с возрастающей ролью медиакоммуникаций в его регулировании.

Эмпирическая база исследования включила в себя труды теоретиков и практиков политического протеста, данные официальных органов статистики, материалы СМИ, агитационные и пропагандистские материалы, экспертные оценки, данные социологических опросов, свидетельства очевидцев событий.

В исследовании представлены исторические примеры и прецеденты современного протеста в радикальных и массовых формах, имевшие место в различных политических и социальных условиях, а также на разных уровнях развития и различных уровнях использования медиасистем. Эти протесты обладают несходными внешними признаками и одновременно содержат общие сущностные черты, равно как и методы медиакоммуникационного воздействия на них, что позволяет говорить о верификации выдвинутой научной гипотезы, универсальности закономерностей радикальных массовых форм политического протеста и технологий управления им.

Используемые методы и подходы позволили собрать, проанализировать и обобщить информацию о системных проявлениях политического протеста в радикальных и массовых формах, сформулировать закономерности данного явления, определить принципы его регулирования средствами медиакоммуникаций. Таким образом, исследование дало результаты в двух направлениях развития науки: фундаментальном и прикладном.

Диссертация состоит из Введения, четырех глав, Заключения и Списка литературы. Структура диссертации построена по принципу формулирования общих принципов и проверки их на частных случаях. Логика диссертации строится следующим образом. Существует социальный конфликт, способный выливаться в радикальный протест. Такой протест является составной частью,

стадией, формой проявления социального конфликта. Если протест содержит требования к власти, он становится политическим. Определенные условия трансформируют политический протест в массовые и радикальные формы. Основной вектор работы с протестом – управление им в рамках ступенчатой шкалы: управление конфликтом – управление социальным протестом – управление массовым политическим протестом в радикальных формах. В нашем случае управление производится средствами коммуникаций, где медиакommunikации начинают играть значительную роль в XX в. и определяющую – в XXI в.

Важной является проблема регулирования медиакommunikаций, затрагивающая свободу и ответственность СМИ перед государством и обществом, объективность и независимость журналистики, позиции субъектов системы управления массовым политическим протестом.

Указанные принципы определили четыре составляющие каждой части работы: 1) закономерности массового политического протеста в радикальных формах, 2) коммуникационное управление этим протестом, 3) регулирование массового политического протеста средствами медиакommunikаций, 4) регулирование самих медиакommunikаций.

В результате исследования подтверждена рабочая гипотеза. Доказано, что политический протест в массовых и радикальных формах представляет собой самостоятельное явление, которое отличается от других видов и типов протеста, имеет собственные закономерности возникновения и развития. В генезисе массового политического протеста доминирующее значение имеют представления граждан о текущей политической и социально-экономической ситуации, но не фактическое положение дел. Это делает общественное сознание максимально восприимчивым к направленному коммуникационному воздействию и возможностям его регулирования средствами медиакommunikаций. При этом формирование всё более развитых демократических механизмов внутри медиакommunikационной системы является идеальной задачей, но не самоцелью. Отношение к дилемме «свобода слова – регулирование медиа» изменяется на разных этапах развития общества и связано с уровнем угроз для власти и оппозиционных структур, их намерениями стимулировать или нейтрализовать радикальные массовые формы политического протеста. На современном этапе общественного развития проблема регулирования медиакommunikаций снова стала актуальной, что вызвано фактором «цветных революций» и нарастанием геополитической напряженности.

Достигнута поставленная цель: в результате исследования создан теоретический концепт массового политического протеста в радикальных формах и принципов регулирования этого протеста средствами медиакommunikаций.

Анализ большого количества примеров политического протеста дает основания вычленить два условия его выплеска в радикальные массовые формы. Это идеология и организация: присутствие общих идей и лозунгов для протеста, релевантное для больших социальных групп, и наличие

организационных структур, стремящихся использовать протестные настроения в достижении политических целей.

Традиционное для теорий социального конфликта положение о том, что политический протест в радикальных и массовых формах значительно нивелируется в развитых странах по мере развития в них демократии и повышения благосостояния населения, требует корректировок в современных условиях: имеют главенствующее значение представления населения о демократии, уровне жизни, справедливости, которые могут расходиться с официальной повесткой и охватывать широкие слои населения под воздействием медиакоммуникаций.

Протест становится действительно массовым, если большие социальные группы: начинают считать несправедливым существующий порядок вещей в государстве, переносят ответственность за такое положение дел на власть, теряют надежду на способность власти к изменениям. Наличие всех трех компонентов является обязательным.

Анализ позволяет детерминировать 4 компонента стабильности власти: 1) легитимность власти; 2) уровень потенциального политического протеста в государстве; 3) наличие сил и обстоятельств, способных перевести этот протест в массовые и радикальные формы; 4) способность власти защищаться с помощью силового подавления протеста, удовлетворения требований протестующих или перевода протеста в пассивное состояние путем перенаправления агрессии в другое русло.

Завершение радикальных массовых форм политического протеста обусловлено такими принципами, как физическое и/или психологическое устранение протестующих; удовлетворение и/или создание в массовом сознании иллюзии реализации их наиболее важных требований; усталость общества от «смуты» и стремление к возврату «порядка».

Соотношение протестующих к части населения, начинающей проявлять апатию, представляется принципиально важным. Исследование различных исторических примеров показывает, что доля революционно настроенных граждан может быть чрезвычайно мала в общей массе населения, и ключевой вопрос заключается в том, насколько сильным будет сопротивление общества тем переменам, на которых настаивают протестующие.

Имеет значение не абсолютное число участников протестной акции, а количество, которого достаточно для того, чтобы создать представление о массовости протеста через медиа, а через них – для власти.

Ядро протестного движения формируют представители городских средних классов, интеллигенции и молодых поколений. В случае перехода противостояния в обществе в гражданскую войну в этот процесс вовлекаются все слои, а большинство становится за самым многочисленным классом.

Выделяя большой процент молодежи в социальном составе политического протеста, следует признать, что сам по себе факт большой доли молодого населения в определенном обществе не может рассматриваться в качестве обязательной причины радикализации и массовости протестных выступлений.

Наиболее сильные мотиваторы политического протеста в радикальных и массовых формах связаны с социальными представлениями о построении более совершенного общества; понятиями «справедливость», «свобода», «национализм» и «интернационализм». Полноценными идеологиями протеста становится стремление к стандартам «глобализации» и «общества потребления».

Ключевое значение для власти и организаторов протеста приобретает проблема легитимности. Радикальный протест становится легитимным, когда в обществе начинают доминировать представления о несправедливой власти, не заботящейся о благе подданных и государства. Важную роль в легитимизации протеста и мобилизации его сторонников играют эвгемеры (сакрализованные образы).

Для большинства исторических прецедентов массового политического протеста в радикальных формах были характерны харизматические лидеры. В современных протестах они являются редкостью: чаще всего происходит перенос функции лидера на индивида или группу в связи с временно выполняемой ими ролью. В условиях медиатизации образы лидеров формируются и получают массовое распространение в короткие промежутки времени и столь же быстро «низвергаются» и подвергаются «забвению».

В технологиях организации и управления политическим протестом в радикальных и массовых формах ключевыми определяются 4 фактора: столицы, армии, внешнего влияния и направленного коммуникационного воздействия.

В исторических примерах и современных прецедентах сценарии развития массового политического протеста в радикальных формах и управления им остаются почти неизменными.

В классическом варианте сценария локальный протестный акт небольшого количества участников запускает мобилизацию сторонников: пропагандистская работа направлена на создание представления о массовости протеста и серьезности его требований. Население пассивно, так как не является безоговорочным сторонником действующей власти, испытывает усталость от нее, теряет веру в возможность позитивных изменений. Часть граждан начинает связывать данный протест с возможностями кадровых передвижений и улучшением условий жизни. Масса протеста растет, и в протестных акциях появляются или начинают доминировать политические лозунги. Противостояние с силами правопорядка ведет к «жертвам», значимость которых, как правило, преувеличивается, стимулирует радикализацию протеста, способствует росту его массы и территориального охвата. Если протест проявляет достаточную силу, а власть – слабость, то это ведет к расколу в элитах и смене власти. Если силы протеста не перевешивают устойчивость власти, то решительные действия позволяют ей сохраниться.

Более динамичный и экстремальный вариант развития протеста связан с началом вооруженной борьбы в условиях минимального первичного уровня массовых протестных настроений. Чем больший реальный и виртуальный

успех отдельных акций этой борьбы достигается, тем быстрее происходит мобилизация сторонников.

Если протест имеет хорошую организацию и социальную поддержку в столице государства, а власть проявляет слабость и нерешительность, то происходит политический переворот. Когда давления протестных акций в столице не хватает, протест «перемещается» в регионы, где формируется «поход на столицу». Возможна ситуация, когда политический переворот в столице страны наталкивается на сопротивление в ее регионах: в этом случае начинается гражданская война.

В целом ряде исторических примеров массовый политический протест в радикальных формах возникал в связи с проходящими и предстоящими выборами в стране. Это позволяло мобилизовать сторонников проигравших партий и персон, легитимизировать их действия.

Поведение армии и сил правопорядка варьируется в массовом политическом протесте в радикальных формах от участия в политическом перевороте в качестве его ведущего субъекта до перехода на сторону протестных сил и «раскола» с поддержкой разных сторон конфликта.

Внешний фактор воздействует на противостоящую протесту власть в форме политико-идеологической и материальной поддержки протестующих либо осуществляет непосредственное военное вмешательство.

Управление массовым политическим протестом может быть как централизованным, так и децентрализованным; иметь матричную структуру либо вообще не обладать на определенных этапах сильными организационно-ресурсными центрами.

Современные примеры радикальных массовых форм политического протеста продемонстрировали рост случаев переноса системы управления в русло управления коммуникациями, когда главное воздействие на поведение протестующих оказывает не столько управление их организациями, сколько управление коммуникациями с доминированием медиакоммуникаций: при внешней стихийности действий протестующих и отсутствии единого центра координации и принятия решений управленческую функцию осуществляют информационно-коммуникационные каналы и сформированные ими модели и шаблоны поведения. Прецеденты массового политического протеста XX и XXI вв. дают наглядные примеры того, как медийный ресурс, в виде печатного органа или ресурса в соцсетях, становится не только информационным каналом, но и организационным стержнем протестного движения.

Примеры проявлений протеста дают шаблоны поведения (фреймы) для протестующих, быстро распространяющиеся на массовую аудиторию. За счет этого «экспорт революции» становится коммуникационной технологией, которая устанавливает модели поведения и предоставляет возможность их копирования.

Политический протест в радикальных и массовых формах подчиняется принципу «цепной реакции»: распространение информации об успешности протестных выступлений в соседних городах, областях, странах становится фактором развития протеста.

Современные радикальные массовые формы политического протеста базируются на эффективности простых лозунгов при отсутствии серьезной идеологии, что определяет их взрывной характер на этапе формирования и невозможность поддержания высокой массы протеста на больших временных промежутках. В формировании оценочных критериев поведения протестующих существенную роль играют созданные образы «западных стандартов» благополучия, общества потребления и демократии. Простой, мобилизующий и объединяющий мотив организаторы протестов нащупали в лозунгах борьбы с коррупцией.

Трансформация отношения в социальной психологии к революциям, протестам, их участникам и лидерам привела к практике использования политическими организациями, стремящимися прийти к власти с помощью социального протеста, понятия «революция» и положений «теории революции» в политико-пропагандистских целях и для мобилизации сторонников. «Теория революции», под которой понимают исследование закономерностей революций, становится в XX и XXI вв. все больше не просто научным направлением, а практическим инструментом и социальной технологией.

Изменения в социальной психологии современных обществ создали условия уменьшения необходимого количества протестующих для влияния на власть; определили, с одной стороны, интенсификацию использования технологий, а с другой – более быстрый «износ ресурса» каждой технологии и сокращение ее жизненного цикла.

Смещение акцента от идеологии и харизматических лидеров к технологической и технической составляющим в организации массового политического протеста ведет к формированию новых закономерностей в генезисе этого протеста: 1) отсутствие сильных и значимых лидеров; 2) неудовлетворенность больших социальных групп и общества в целом реформами новой власти, выросшей из прежних оппозиционных сил.

Медиакоммуникации в рассматриваемый период становятся ключевым средством в организации и развитии массового политического протеста, а также в его нейтрализации. Направленное коммуникационное воздействие осуществляется медийными и немедийными средствами, но если в начале XX в. немедийные средства преобладают, то в конце XX – начале XXI вв. доминируют медийные коммуникации. В рамках процессов растущей медиатизации любые коммуникации быстро становятся медийными.

В ходе «цветных революций» и последующих протестных проявлений система синхронизированной информации в медиа со стороны власти, охватывающая прежде всего традиционные СМИ, столкнулась с деятельностью сетевых оппозиционных медиа с их большим организационным потенциалом и недостатками в виде децентрализации и десинхронизации информационного сигнала. Государственное регулирование медиакоммуникаций первоначально не охватывало эти медиа, а зачастую не срабатывало и для традиционных медиаресурсов. Это позволило оппозиционным структурам с помощью сетевых ресурсов организовывать

политический протест, увеличивать его массовость, временами переводить протест в радикальные формы.

В такой ситуации власти России и Белоруссии перешли к стратегии, с одной стороны, активного регулирования медиаполя; а с другой – к выстраиванию доминирующей информационной повестки за счет синхронизации традиционных и новых медиа.

Синхронизация и централизация информации за счет головного медиаресурса, информация с которого уходит на «поддерживающие ресурсы», а также усиление организационной функции медиаресурса позволили оппозиции в Белоруссии организовать массовый политический протест с серьезным увеличением массовости и переводом его временами в радикальные формы. Изменение подходов в медиакоммуникациях белорусской властью позволило купировать протест, а затем свести его на нет.

Идущие во многих странах процессы демонстрируют превалирование традиционных СМИ, использующих преимущества конвергентности и выстраивающих доминирующую информационную повестку за счет синхронизации своих посланий в традиционных и новых медиа.

Отношение к проблеме регулирования СМИ в контексте рассматриваемой темы укладывается в общую закономерность. Она заключается в том, что внутренняя политическая оппозиция всегда требует полной свободы медиа, однако, придя к власти, осуществляет последовательное ограничение этих свобод. Те же процессы происходят в случаях активизации внешних угроз для государства, поскольку, при невозможности существенного влияния со стороны внутренних оппозиционных медиаресурсов, оно может оказываться через зарубежные СМИ, социальные сети и мессенджеры. Усиливается «экспорт» протеста, внешняя подпитка социальных конфликтов, формируются новые условия направленного коммуникационного воздействия на индивидов и социальные группы со стороны внешних сил. В данных ситуациях неизбежна постановка вопроса о регулировании внешнего медиавлияния.

«Цветные революции», особенно в редакциях после «арабской весны», привели к усилению регулирования медиакоммуникаций во многих государствах. Стремление к монополизации медиавлияния, под которым понимается противодействие распространению актуальных для государства ценностей, политики или общественных образов, можно отметить как мировой тренд.

В глобальном плане речь идет о смене научной парадигмы от позитивистской (объективистской), предполагающей последовательное развитие демократических механизмов в деятельности медиа, к субъективистской (регулятивной) с ограничениями в работе медиа и использованием их в качестве механизма коммуникационного воздействия.

В то же время одни регулятивно-репрессивные меры против протестующих, в условиях невозможности полного контроля за сетевыми ресурсами, не приносят требуемого эффекта. В отличие от ситуаций XX в., когда решающим инструментом борьбы с протестом могло стать закрытие

медиаресурса, сегодня, в условиях медиатизации, господствующее положение в медиаполе может быть достигнуто за счет создания прогосударственных и провластных каналов в новых медиа и завоевания ими лидирующих позиций в направленном коммуникационном воздействии. Организация такой системы в целях формирования доминирующей информационной повестки должна стать предметом дальнейших исследований.

 / *Степанов* В.В.